В царствах Мрака, Теней и Света

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь

SHOUT
SHARE
IT

-
- Глава I. ШЕПТУН-ОЗЕРО
- Глава II. ЦАРСТВО МРАКА
- Глава III. ЦАРСТВО ТЕНЕЙ
- Глава IV. В ГОСТЯХ У КАОЛИНЫ
- Глава V. СНОВА В ПУТЬ
- Глава VI. СТЕКЛЯННОЕ КНЯЖЕСТВО АЛЮМА СИЛИЦИУМА
- Глава VII. В ЦАРСТВЕ СВЕТА
- ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гайда Рейнгольдовна Лагздынь
В ЦАРСТВАХ МРАКА, ТЕНЕЙ И СВЕТА

Глава I. ШЕПТУН-ОЗЕРО

— Бабушка, благородный металл, шесть букв, начинается с «з»? Знаешь? — выкрикивал Женька из комнаты. — А самое твердое на земле вещество? Баб, ты слышишь? — снова спрашивал Женька. — Благородный металл, шесть букв?

Бабушка, как всегда, молчала.

Разгадывая кроссворды, Женька постоянно, не надеясь ни на что, приставал к бабушке. Во-первых, она всегда дома. Во-вторых, бабушка в семье — авторитет. Она хоть и бабушка, а ученая, со степенью.

— Баб! — выкрикнул Женька последний раз и отправился в семейную библиотеку. Библиотека в папиной комнате. Стеллажи с книгами до самого потолка. Отыскивая энциклопедию, Женька натолкнулся на книгу с загадочным названием «Спелеология», что означает «Пещероведение». И зачитался.

— Ты опять здесь, Евгений-гений, везделаз-лазейкин? — в дверях стояла бабушка. — Врач что сказал? Постельный режим. И не возражай!

— А благородный металл, шесть букв, на «з»?

— Золото, — проворчала бабушка. — А самое твердое на земле вещество — алмаз. Успокойся и марш в постель.

От нечего делать, лежа на кровати, Женька стал рассматривать висящую на стене картину. На ней были нарисованы высокие скалистые горы, отвесные скалы. А над ними — огромное яркое солнце. Вдали виднелась синяя полоска моря. На переднем плане, среди камней — расщелина, поросшая мхом и кустарником.

— Пещера, — прошептал Женька, пристально всматриваясь в нарисованное. И вдруг увидел паука-крестовика с белесым перекрещивающимся узором на спинке. Паук бегал по паутине, заделывая вход в пещеру. Рядом летала крохотная мушка с красивым золотистым оттенком.

— Ж-ж-ж-ж-ж-жу, — жужжала мушка. — Ж-ж-жут-ко леж-жать. Надо, Женя, беж-ж-жать. Ж-ж-же-ла-ешь, Ж-ж-же-ня Ж-ж-жуков?!

— Жуков? Это же я! — удивился Женька. — Эй, Золотуха, а ты почем знаешь, что я — Жуков Женя?

— Надо беж-жать, Же-ня! Беж-жа-ть, Ж-жу-ков! — жужжала Золотуха.

Женька подался вперед. Вход в скале увеличился почти вдвое. Женька приблизился еще и оказался в пещере. Паук, превратившись в большого, что и бабушкиной шляпой не покроешь, тарантула, бегал по стене, распугивая летучих мышей.

В полумраке мыши с писком носились вокруг, однако успевая выруливать перед самым Женькиным носом.

— Фу ты, нечисть! — возмутился Женька. Он пригнулся и сел на большой плоский камень. Под камнем кто-то, причмокивая, шлепал губами.

«Не раздавил ли я кого? » — подумал Женька и неожиданно для себя задумался.

— Жуков, зачем Жабке-Лапке лапку отдавил? — раздался рядом голос.

— Что? — изумился Жуков. — Какой еще Жабке-Лапке?

— Жабкиной, — недовольно фыркнул кто-то и снова зашлепал губами.

— Ох-хо-хо! — вздохнул под Женькой большой плоский камень. — Долго думаешь, Жуков!

— Что? — подскочил Женька. — И ты разговариваешь?

— Нет, я больше молчу. Я больше думаю. Я ведь камень задумчивости.

— А я, представьте себе, — пробасил камень, что лежал рядышком, — я более решительный. Я — камень решительности. Сядь на меня! Садись, Жуков, не бойся! Вот так, — решительно продолжал камень, когда Женька на него уселся. — Что в себе чувствуешь?

— Желание что-то сделать, — сказал Женька. Он резко поднялся, решительно обошел пещеру и обнаружил круглое озерко.

— Я — Шептун-озеро, — прошептало озерко. — Опусти в меня руки.

Не задумываясь, Женька погрузил обе руки по локоть в воду. Из озерка выбежали три речки.

— Мы — сестрицы-Водяницы, — зажурчали в три голоса подземные речки. — Я — Темная. Я — Мутная. Я — Светлая.

Шептун-озеро прошептало:

— Коль друзей себе найдешь, в царства земные попадешь. Жуков, хочешь знать тайны, тайны земли?

— Хочу! — быстро ответил Женька. — А что надо делать? — Но сколько ни прислушивался Женька, Шептун-озеро шептало одно и тоже:

— Коль друзей себе найдешь, попадешь. Найдешь, попадешь...

Женька оглянулся по сторонам. Кроме паука-крестовика да бесчисленного количества летучих мышей, н пещере никого не было.

— Друзей у меня много, — громко сказал Женька, — но к ним нельзя. У меня, сказал врач, начинается ветрянка.

— Найдешь, попадешь... Найдешь, попадешь... — шептало озеро.

В одном углу пещеры Женька обнаружил кусок гнилого дерева. В Женькиных руках гнилушка вдруг ярко засветилась. На глиняном полу он увидел разбросанные продолговатые раковины-перловицы. Среди них — скрученную раковину прудовика. Пройдя несколько шагов, обнаружил еще одну, похожую на раковину виноградной улитки.

— Вот и все богатства пещеры, — вздохнул Жуков, поглядывая на находки.

— А друзья разве не богатства?

Женька удивился. Раковина прудовика высоко подпрыгнула, превратилась в румяного крепыша со смешным рыжим хохолком на голове.

— Давай знакомиться! — протянул пухлую **ручку** мальчишка. — Я — Задира Первый.

— А тебя как зовут? — Кто-то с другой стороны дергал Женьку за спортивные брюки.

— Неуступиха, успеешь! — возмутился Задира Первый, отталкивая худенькую вертлявую девчонку с тремя разноцветными бантиками на трех разноцветных косичках.

— Успею, Задирчик, успею! — поджала губки девчонка, продолжая наступать на Женьку.

— Я — Женька, Жуков... Ученик 5-го «А» класса, — представился Женька.

— Неуступиха! — подала ручку девчонка. — А это наша общая знакомая. — Из-за камушка, помахивая в разные стороны хвостом, вышел узкий пушистый зверек.

— Из виноградной улитки? — спросил Женька.

— Сам ты из улитки! — фыркнула Неуступиха. — Это — Лазка-Семизубка Вездесущая.

— Лазка? — переспросил Женька. — А не ласка?

— Лазка-скалолазка, от слова — лазать, — мягко ответила пушистая знакомая. — Мы твои новые друзья.

— И я, — заворочался круглый маленький камушек, до которого Лазка-Семизубка дотронулась хвостом. Круглый камушек мгновенно превратился в клубок необыкновенных нитей. Из клубка торчала стальная спица. — Я — Клубчиха Спицына Знаниядающая.

— Но-но, Спицына! — зашумел Задира Первый. — Не вздумай спицей махать.

— Тихо, Задирчик, тихо, — заступилась за Спицыну Неуступиха. — Не гневайся, голубчик! Клубчиха вовсе и не машет спицей!

— Спица у меня особенная, — продолжала Клубчиха, не обращая внимания на возникший спор, как будто она всю жизнь его слушала. — Кто спицу возьмет да со мной пойдет, тот в три царства попадет. В царство Мрака, Теней и Света. Если хотите, я вас могу проводить. Вы увидите богатства нашей земли.

— Я, конечно, могла бы, — заявила Неуступиха, — но...

— Я, Женя Жуков, ученик 5-го «А» класса, хочу побывать сразу во всех трех царствах!

— Вот это товарищ! — запрыгал вокруг Женьки Задира Первый. — Давай на кулачках! Ты бьешь меня, я тебя.

— На кулачках, на кулачках! — фыркнула Неуступиха. — Тебе бы только кулаки чесать. Так идем или нет?

Лазка-Семизубка осторожно подошла к Клубчихе и взяла ее в лапки. Спица вспыхнула, засверкала, разбрызгивая холодные искры. Словно это была не спица, н праздничный бенгальский огонь.

— Мышки-летучки! — закричала Неуступиха. — Где Жабка-Лапка? Жуков, я тебя с ней познакомлю. Жабка-Лапка!

— Што по што? — пробулькало под камнем. — Шон шморил штарую Шабку-Лапку.

— Выходи, с нами пойдешь! — Неуступиха топнула тоненькой ножкой.

— Не выйду! — прошлепала Жабка губами.

— Выходи! — затопала снова Неуступиха.

— Што, што, — пробулькало опять под камнем, и все стихло.

— Ну, погоди! Вот вернусь, будет тебе по толстым. губам!

— А зачем она? — сказал Женька. — Оставь ее в покое. Пошли. — Женька гнилушку, что держал в руке, швырнул в угол пещеры.

— Какое легкомыслие! — возмутилась Неуступиха и сунула гнилушку в свою бездонную корзиночку, плетенную из ивовых прутиков.

Шептун-озеро по-прежнему тихо плескалось, словно разговаривало с речками сестрицами-Водяницами. Женька прислушался:

— Тридцать раковин возьми да в три ряда положи. Тише едешь — дальше будешь, быстро едешь — сзади будешь. Если друг тебя поймет, лодка- дальше поплывет.

— Надо собирать раковины! — громко объявил Женька. Он наклонился. Неуступиха уже ползала по земле на коленках, руками наступая на пятки Задире Первому. Лазка-Семизубка вертелась между ними, разыскивая экземпляры покрупнее.

И вот уже выросла небольшая груда из раковин. Жуков сел на корточки, стал складывать раковины в три ряда по десять штук. И

как только последняя легла в ряд, качнулась спица в клубке. Раковины разом подпрыгнули, стали огромными и соединились вместе. Получилась прекрасная лодка, перламутровая изнутри. Любители путешествий не заставили себя долго упрашивать. А так как они друг друга хорошо понимали, то лодка помчалась по одной из речек сестриц-Водяниц — по Темной, в подземные царства Мрака, Теней и Света. Лазка-Семизубка крепко держала в лапках клубок со спицей, освещая дорогу брызгающими блестками.

Речка делалась все шире. Под темным мрачным скалистым сводом текла широкая подземная река.

— Давай! Быстрее давай! Лодочка-самоходочка! —кричал Задира.

— Что ты! — испугалась Клубчиха. Но было уже поздно. Они снова оказались в пещере с тремя речушками, вытекающими из Шептун-озера.

— Так вот и будем кататься вперед и назад? — вспылила Неуступиха. — А теперь еще и на месте стоять?

— А вы разве не слышали, — спросил Женька, — что Шептун-озеро говорило: «Тише едешь — дальше будешь. Быстро едешь — сзади будешь».

— Нет! — в запальчивости закричал Задира Первый.

— Кто слышал? Ну кто? Кто? — заспорила Неуступиха.

— А еще озеро сказало, — продолжал Женька, «Если друг тебя поймет, лодка дальше поплывет».

— Конечно, сказало, — добавила Лазка-Семизубка, прижимая к себе клубок со спицей. — Поплыли, друзья, поплыли!

И лодка снова устремилась по Темной, увозя по сумрачной подземной реке в глубины земли Жукова и ого новых друзей.

Глава II. ЦАРСТВО МРАКА

Неожиданно лодка остановилась. Это Задира подумал: «Стоит ли плыть в царства Мрака и Теней? Не лучше ли податься прямо) в царство Света? »

— В чем дело? — заволновалась Неуступиха.

— Может быть, в царство Света махнем? — предложил Задира.

Но Клубчиха Спицына тихо молвила:

— Чтобы попасть в светлое царство, надо пройти, познать, испытать себя в царствах Мрака и Теней.

Все согласно закивали, и лодка двинулась дальше.

Вокруг делалось все мрачнее и мрачнее. Неожиданно спица погасла.

— Что случилось? — спросили все хором. — Почему, Спицына, не искришь?

— Не могу! Меня чем-то сдавливают, я гасну.

— Темно, хоть глаз выткни, — проворчала Неуступиха.

— Мне будто на голову мешок надели, — запыхтел Задира Первый.

— Царство Мрака! — проговорил в абсолютной гулкой темноте чей-то низкий тяжелый голос. — Царство НЕФТИ и ГАЗА!

Лодка на мгновение приостановилась, потом, покачиваясь, поплыла, словно ее дно погрузили не в воду, а в вязкое масло. Стало трудно дышать. Зловонные пары заполняли все пространство.

— Эй, — дернула за рукав Женьку Неуступиха, — глянь в мою корзинку! — В корзинке тускло светилась гнилушка.

— Что ты! — испуганно зашептал Женька. Он вспомнил один из вопросов кроссворда: «Агрессивная, огнеопасная смесь углеводородов». — Это же нефть! Может взорваться! Прикрой скорее передником!

— А я не желаю. Для чего тогда тащила? Вот возьму и вы... Ну ты чего? Темно же?

Все тот же тяжелый, повелительный густой бас продолжал:

— Из царства Мрака, царства Ночи не выйдешь, если и захочешь. И только знания — оправдание. Решайте вместе три задания. А не решите — поглощу и в нефть густую превращу!

— Дела... — сказал Задира Первый. — Я стал, смотрю, чего-то нервный! Стихами вдруг заговорил! Совсем вонючий газ сморил...

— Дела... дела... дела... делишки. А нет у вас о нефти книжки? А почему так в царстве тихо? Я, дядя, знай, — Неуступиха!

— Цыц! Не сглазь! Какой я дядя? — зашумел бас. —- Нет вам другого оправдания! Пришли? Решайте же задания!

— Вопрос первый: что надо мной? Вопрос второй: что во мне? Вопрос третий: что из меня? И еще один — дополнительный! Метил-момент! — зашлепало кругом. — Нефть, кажись, начали откачивать? — Голос смолк и возник снова. — Заело! У них заело! Заклинило! — Кругом зашлепало так, словно по нефти били сотнями ладошек.

— У кого заело, заклинило? — спросил Женька

— У нефтяников, в буре —- пробка! Ай да я, вот славненько! Вот пошутила! — Гремело вокруг. — Не будет им нефти! Пяткой трубу заткнула!

— А кто вы такой, чтобы так шутить? — крикнул в темноту Задира.

— Не такой, а такая. Я — царица Мрака, царица нефти — Чернота Вторая!

— А где первая? — спросила Неуступиха.

— Туда Первую усосало! — хихикнула Чернота Вторая, видимо, показывая куда-то. Но было так темно, что приходилось только догадываться, куда. — Совала свой нос куда не надо! За нос и усосало, Черноту-то Первую! Хи-хи-хи!

— А вы, оказывается, совсем нехороший! — заявил Задира.

— Нехорошая, — поправил Задиру бас. — Я — Чернота Вторая, женского рода.

— Радуетесь чужому горю, — добавила Лазка-Семизубка, — вместо того, чтобы помочь.

— Помочь? Им? — удивилась Чернота Вторая. — Это мне надо помогать, — неожиданно захлюпала царица Мрака. — Они — плохие. Воду на голову льют. Протекает у них, что ли? — Кругом заворочалось, забулькало. — Вот, взгляните, а потом осуждайте.

— Гнилушку можно вытащить? — спросил Женька.

— Разрешаю! — зашлепало рядом.

— Не взорвемся? — снова спросил Женька.

— От гнилушки нет, светит, но бестолковая. Да и нефть от воды совсем отсырела, — пробасила царственная особа. — Газ еще вчера выпустили. И этого Въеды, по технике безопасности, нет. Уж такой въедливый тип! В другое царство ушел. Работу посветлее отыскал в царстве Теней.

Гнилушка, вынутая из плетенки, осветила огромный грот. Большое черное озеро медленно колыхалось, образуя мягкие покатые валики из нефти. По лоснящимся стенам стекали жирные струйки. Из боковых узких коридоров сочилась густая черная жижа, поблескивая широкими водяными разводами.

— Полюбуйтесь, что делается в царстве! — фыркало из глубины черной чаши. — А ведь в былые времена нефти было под самый потолок. Нет, вы только посмотрите! — булькало непрерывно. — Следы новой цивилизации! Светлые пятна в царстве Мрака! А вчера под меня воду накачивали эти умники. Вспоминать тыщу лет буду, если проживу. Нефть, значит, им? А водичку, значит, земную, мне? Хорош обмен! — Из черной чаши показался длинный вытягивающийся палец. — Нефть, значит, забирают. Водой, значит, заменяют? Так и Черноту Вторую блондинкой сделают! Этил-момент! Быстренько же у них сегодня расклинило, — вздохнул сердитый бас. — Теперь, как вас там? К стенке жмитесь, не то в трубу угодите.

— Нет былого величия царства Мрака! — гневно забулькала, заклокотала царица Вторая. — Итак, повторяю задание: что надо мной? Что во мне? Что из меня?

— Что над ней? — переспросил Задира, покручивая ершистым хохолком.

— Понятно что, — сказал Женька, — земляные пласты, твердые. А выше — буровая. Значит, там, на земле, работают буровики-нефтедобытчики.

— Спасибо, пояснил, — хихикнула Чернота. — Будто я и сама этого не знаю. А что во мне?

— Как что? — задумался Женька.

— Ну из чего я? — нервно зашевелилась нефтяная царица.

Женька молчал, думал.

— Сажа в тебе, — сказал Задира. — Потому и черная ты.

— Какая сажа? — возмутилась Чернота Вторая. — Я не сажа. Я — благородная нефть, правда, с водой, явно сырая.

— Сырая, раз сразу не загораешься, — сказал Женька. — И довольно-таки жидкая. Бывает и погуще.

— Зато я очень древняя по происхождению.

— Она древняя, — фыркнула Неуступиха, — из знаменитого рода! Просто вы густая черная размазня.

— Нет, я древняя. Одни ученые говорят, что я образовалась из животных, другие — просто так, когда возникла Земля. Я не помню! Маленькой была.

— Ученые спорят, а вы нас спрашиваете! — снова завозмущалась Неуступиха.

— А кого мне спрашивать? Я одинока.

— Вы просили ответить: что в вас? — возник Женька. Он даже засмеялся от радости, так как вспомнил вопрос из кроссворда: «Смесь из углеводородов, пять букв». Нефть! Вы — смесь веществ, состоящих из углерода и водорода.

— Ну ладно, смесь так смесь, — недовольно пробурчала

царица, — Отвечайте на третий вопрос: что из меня?

— На земле вас, уважаемая нефть, перегонят, — сказал Женька, — и люди получат много полезных, веществ.

— Перегонят? — удивилась царица Мрака. — А каким образом?

— Известно, каким, — молвил Женька. — Нагреванием! Нагреют, и вы делаетесь нефтяным паром. В так называемых ректификационных башнях, на разных этажах, вы осядете. На самом верхнем — бензином, ниже — керосином, еще ниже — соляркой, дизельным топливом, мазутом. А еще из вас добудут разные масла: машинное, веретенное, цилиндровое и другие. И даже белый парафин из вас выделывают! А еще — асфальт!

— И асфальт! — всплеснула руками Чернота Вторая. — А что такое асфальт?

— Асфальт — это асфальт. По нему ходят. После перегонки нефти остается черная каша. В эту кашу добавляют песок, мелкие камни — щебенку, раскатывают тяжелыми железными катками. Получается гладкая асфальтированная дорога.

— Мне интересно с вами разговаривать! Пожалуй, я оставлю вас у себя. Вы будете рассказывать мне о земных делах, я вам о нефтяных. Уж так и быть, не обижу. — Длинные черные пальцы, с которых стекала густая нефть, потянулись к лодке.

— Мы так не договаривались! — закричала Неуступиха.

— Тише едешь, дальше будешь! — решительно выкрикнул Женька.

— А я хочу с Чернотой Второй поспорить! — заявила Неуступиха.

— Ну и спорь, — сказал Задира, — а мы поехали. |

Лодку неожиданно качнуло и выплеснуло на каменистый выступ.

— Привет, Чернота! — кричала Неуступиха. — Купайся на здоровье в своей черной луже!

— Я те дам, плакса-вакса, нефтяная клякса! — злорадно выкрикивала Чернота Вторая, ухватившись за черный бант на черной косичке Неуступихи.

Лазка-Семизубка от сильного толчка чуть было не выронила клубок со спицей.

Выскочив на уступ, в полутемноте друзья тащили за собой лодку. Сбоку от выступа оказалась низкая ниша, переходящая в узкий коридор.

— Раз, два! — командовал Женька.

— Если друг тебя поймет... — замурлыкал Задира.

— Лодка дальше поплывет, — подхватила Лазка-Семизубка.

Лодка послушно скользнула по днищу каменного коридора.

— А где Неуступиха? — спросил Женька, когда опасность миновала. — Она только что была здесь.

— Спорить пошла, наверное, — предположил Задира.

— Вот что, — заявил Женька, — вы тут побудьте, а я сейчас. — Сказав так, быстро добавил: — Быстро едешь, сзади будешь!

Черная липкая нефть мгновенно оказалась под дном лодки. Нефтяная чаша была спокойна, ни звука, ни всплеска, ни признака какого-либо существа. В кромешной тьме чуткое Женькино ухо уловило чьи-то приглушенные вздохи и тоненькое похныкивание. На крошечном выступе сидела Неуступиха.

— Тихо, — прошептал Женька, подруливая. — И не спорь, пожалуйста.

Неуступиха перестала хныкать.

— Чего замолчала? — спросил сердито из глубины чаши тяжелый густой бас. — Я не сплю. Хнычь! Это так приятно.

— Приятно? — всхлипнула еще раз Неуступиха.

— Приятно. Как музыка, тишина надоела, понимаешь? Ну пошуршат там наверху, и все. Посиди-ка миллионы лет в тишине, оглохнешь! Хнычь, тебе говорят. А не то опять искупаю! Плакса-вакса, нефтяная клякса!

— Хнычь! — шепнул Женька на ухо Неуступихе.

— Какая я несчастная! Липкая, противная, чумазая с маковки до пят, — запричитала Неуступиха. — А-а-а! И зачем мне надо было спорить с Задирчиком! А-а-а! Не хочу я больше! А-а-а!

— А-а-а! — стал подвывать Женька, незаметно покидая с Неуступихой царство Мрака.

— Бутил-момент! Опять?! — завопил в темноте низкий густой бас. — Музыки лишили! А дополнительный вопрос? Дополнительный?! Знаете? Знаете, знаете, наете, аете... — неслось вдогонку из глубин покинутого мрачного царства Черноты Второй.

Лазка-Семизубка махнула спицей, и невесть откуда под лодку хлынула вода второй речки сестер-Водяниц — Мутной. Неуступиха полоскалась в воде, стирала платье и банты. Косички снова стали трехцветными.

— Теперь в царство Теней! — клубок от нетерпения запрыгал в лапках Лазки-Семизубки.

— Тише едешь, дальше будешь, — приговаривал Задира Первый.

Спица вспыхнула вновь и заискрилась, раскидывая вокруг себя холодные блестки. Стены пещеры, по которой текла подземная речушка, сверкали, как лакированные башмаки. Это блестели пласты каменного угля.

Глава III. ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Стены низкого мрачного грота делались светлее. То и дело среди пластов угля выделялись желтовато-красные полоски песка, коричневато-серые прослойки сухой плотной глины. Неясные блики бродили по стенам, утопая в мутной воде речки Водяницы.

— Надо спешить, — сказала Клубчиха Знанйядающая, — царство Теней горячее, суровое, острое. Этой страной правят три царя, три решительных брата: Феррум Третий, Алюм Силициум и Карбоникум Четвертый. У них есть сестра: мягкая и добрая царевна Каолина.

— Странные имена. Особенно Као-ли-на, — протянул слово Женька.

— На китайском языке, — пояснила Клубчиха Знаниядающая, — каолин — значит белая глина. Имена же царей в переводе с латинского языка означают: железо, алюмосиликаты, углерод. А почему третий, четвертый, — так это из курса химии показатель валентности или степени окисления.

— Неуступиха, слышишь? Царство Теней! Чего молчишь? — и Задира, не думая, дернул Неуступиху за одну из косичек. Неуступиха исчезла.

— Вот дела. Куда она подевалась? — удивился Задира, покручивая на голове свой рыжий хохолок. — Я только что дергал ее за косичку.

— Дергал? — испуганно, явно волнуясь, спросила Клубчиха Спицына. — Если за черную, надо искать ее в царстве Мрака. Если за рыжую, с полосатым бантом, — то в царстве Теней.

— А если за белую? В царстве Света? — обрадовался Задира Первый. — Но я не помню, за какую косицу дергал. Вот бант. — В руке у Задиры был полосатый.

— Нам повезло! — воскликнула Спицына.

— Она в царстве Теней, значит? Бедная, бедная девочка. Совсем одна в чужом царстве, — сокрушалась Лазка-Семизубка.

— Главное, — добавила Клубчиха, — с ее-то характером. Здесь и сгореть можно и...

Лодка ткнулась в просмоленные доски. На берегу возле причала торчал коротенький ржавый столбик с позеленевшими медными обручами.

— Ваши визы? — неожиданно проскрипел ржавый. — Я — Наблюдатель.

— Что визы? Какие еще визы? — начал было задираться, как всегда, Задира Первый. Но его остановила Лазка-Семизубка.

— Уважаемый! У нас есть желание на въезд, — и Лазка

случайно коснулась столбика хвостом и спицей. Столбик покачнулся. Падая, задел позеленевшими обручами за нос лодки. Лодка развалилась на тридцать раковин.

— Вот это дела! — крякнул Задира Первый. — Ну и ржавчина с медными обручами! Лодочка-самоходочка-то тю-тю? Что делать?

— Лодку собирать пока не будем, — поежилась Клубчиха Спицына, — раковины возьмем с собой. Так понадежнее.

— Вот, вот, вот! — затараторил Задира Первый. — Взять возьмем, а куда положим? Сейчас бы бездонную Неуступихину корзинку! Где она с ней носится?

Женька насчитал у себя четыре кармана: два на рубашке, два в спортивных брюках. Хорошо, что раковины опять стали маленькими. В каждый карман Женька положил по семь раковин. Остальные отдал Задире. Задира их взял и незаметно от всех спрятал под досками.

Подземное царство вдруг содрогнулось от взрыва. Затем откуда-то издалека послышались приглушенные тупые звуки: тук-тук-тук! В воздухе запахло плавленым металлом и горящим углем.

По стенам запрыгали яркие блики. Мимо притихших в глубокой нише друзей прошли цари великого царства Теней. Впереди, раскаленный докрасна, царь железа — Феррум Третий. Он был высок и широк в плечах. Железные латы прикрывали могучую грудь, плечи, бедра, колени. Стальной шлем с высоким забралом почти скрывал царственное лицо. Царь угля, Карбоникум Четвертый, был таким же красным и раскаленным, крепким и коренастым. Черная тонкая лакированная мантия висела на одном плече, слегка прикрывая блестящие мускулы сильного тела. Третьим шагал царь цветных металлов, песка, глины и известняка — Алюм Силициум, стройный и высокий.

— Ну и жара! — вымолвил Задира Первый, когда фигуры царей исчезли за поворотом. — Могли бы и не пылать! — ворчал Задира, проверяя, не сгорел ли его рыжий хохолок на голове. — Ладно уж железный раскалился! А черному угольному зачем?

— Так они же на работе! — мягко вымолвила Лазка-Семизубка.

— Третий, стеклянный, видно, попроще, — продолжал Задира. — Не так пыхал.

— Младший, — добавила Клубчиха, — гореть не может. Он только может светиться.

— Где теперь Неуступиха? — вздохнул Задира. — Не сгорела бы. Везде ведь лезет!

— Пошли за царями, — предложил Женька, разглядывая

красные пятнышки, появившиеся на коже, наверно, от жары.

Лазка-Семизубка, держа в лапках клубок со спицей, шмыгнула в узкий проход. Коридор расширился, превратился в небольшой зал.

— Песок да глина, — зевнул Задира, — ничего интересного. Чего бы новенького найти.

— Новенького... Всем новенького подавай! — проворчал кто-то под ногами. — Одна тут шустрая бегала. Теперь эти. Откуда только берутся... на мою голову...

— Кто бегал? — затараторил Задира Первый. — Где бегал?

— А кто знает, где? — пропыхтело внизу.

Лазка-Семизубка посветила спицей. На полу копошился маленький, узкий, в меховой шубке зверек, **с** большими роющими лапами, словно пришитыми к шее. Зверек не обращал внимания на отблески спицы. Это был крот.

— Не видишь? — спросила Лазка.

— А чего в темноте рассматривать? Главное уметь слышать! — хмыкнул крот. А зачем вы сюда залезли? Предыдущая посетительница, например, заявила, что это — ее дело. Я лично сюда попал случайно, провалился, — продолжал крот - Но я не виноват. Виновата Ехидна. Вообще-то, я в земле живу, только у самой ее поверхности, где почва... Там тебе и жучки, червячки, и травка старенькая. А здесь? Тьфу! Поесть нечего. И все из-за этой глупой Ехидны, куси меня мышь в бок. Я крот Коловорот.

— Не расстраивайся, Криворот. Пошли с нами царей выслеживать! — ничему больше не удивляясь, предложил Задира Первый.

— Во-первых, я — крот Коловорот, куси тебя мышь в бок. Во-вторых, чего их выслеживать? Топай по горячим следам да **слушай, —** проворчал крот. — Эй, задиристый? Слышишь, кипит!

— Что кипит? — не понял Задира.

— Что надо, то и кипит, — пропыхтел крот. — Пошли, покажу и вам тоже.

Теплая дорога привела приятелей к огромному гроту. Грот был такой высокий, что, казалось, упирался в вершину горы. По углам тлели раскаленные каменные угли, отбрасывая на стены колеблющиеся от жары тени. В центре помещения стояла большая и, видимо, глубокая чаша, из которой вырывались языки пламени. Возле чаши величественно прохаживались цари. Яркие отблески хорошо высвечивали их мужественные фигуры. Глаза Карбоникума Четвертого, как два огромных раскаленных угля, внимательно следили за алой чашей.

Отблески пламени окрашивали стройного и высокого Алюма Силициума в разные цвета, скользили и переливались в складках

тончайшей стеклянной накидки. В некоторых местах накидка была расплавлена и висела длинными прозрачными сосульками.

Цари были так заняты делом, что, казалось, не обратили никакого внимания на пришельцев. Помощники, юркие железные человечки, узкими совками подхватывали куски железной руды и опускали в чашу. Туда же из раскаленных круглых куч высыпали кокс — обожженный каменный уголь, а еще крупный песок и желтоватые комочки известняка.

— Что они делают? — спросил Женька у Спицыной.

— Варят железо! — поспешно пропыхтел крот.

— А песок зачем и эти комки? — хмыкнул Задира.

— Для того, — пояснила Клубчиха Знаниядающая, — чтобы железо отделить от всяких примесей. Песок с известняком даст шлак и всю пустую породу унесет с собой. Шлак в чаше, как сливки на молоке, сверху. Железо — снизу!

— Внимание, — пропыхтел крот. Огромная раскаленная чаша вдруг заклокотала. Над ней заклубился бурый газ, запахло горелым металлом. Чаша наклонилась и выплеснула сначала одну, потом вторую огненную змею. Шипя и извиваясь, змеи поползли в разные стороны.

От неожиданности Лазка-Семизубка охнула. Из клубка выпала стальная спица. Еще мгновение — и спицу слизнула самая быстрая железная змея. Огненная змея ползла прямо на Лазку. Вторая змея, поменьше, раскаленная шлаковая, подбиралась к Задире Первому. Женька подскочил к Семизубке, выхватил ее вместе с клубком прямо из-под брюха железной огненной змеи. Задиру Первого он успел оттолкнуть в сторону.

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш, — прошипела змея, слизывая

— Лазкины следы. — Ш-ш-ш, — шипела змея, проползая мимо..

— Чего толкаешься? — возмутился Задира. — А без спицы чего будем делать?

— Надо уходить, и как можно быстрее. Цари разгоряченные. Попадем под горячую руку, беды бы не было, — тихо вымолвила Клубчиха. — Только теперь какая я Спицына без спицы?

— Пропали! — заплакала Лазка-Семизубка, как только все оказались в широком проеме.

— Ерунда! — махнул лапой крот, — Главное — я не пропал. Куда желаете?

— Надо Неуступиху найти! — сказал Задира.

— Эту взбалмошную девчонку? — уточнил крот.

— Да, с тремя разноцветными косичками.

— Три у ней или четыре косицы, я не считал, не знаю. Но думаю, она пошла поболтать к Каолине.

— Поспорить! Жива, значит, Неуступиха! — захихикал Задира. — Давненько мы с ней не виделись. Пошли, Криворотик, а потом к речке Водянице.

— Во-первых, я — крот Коловорот, куси тебя мышь в бок. Во-вторых, я не знаю, где течет ваша Водяница.

— А говоришь, не пропали! — свредничал Задира Первый.

— Если там, где живет Ехидна, не пойду! — решительно заявил Коловорот.

— Может, и живет, только мы ее не видели, — вмешался в разговор Женька. — А ты, Коловорот, не упрямься, лучше послушай землю. Услышишь, речка все время течет и шепчет.

— Сейчас по земным пластам пошарю, пробурчал крот, — определю направление просачивания водицы.

— А если старой дорогой идти? — предложила Лазка-Семизубка.

— Старой дорогой пусть сама Ехидна путается!

— Все Ехидна да Ехидна! Не знаем мы такую!

— И знать не хотим! — выкрикнул Задира Первый, — Мы встретили только Наблюдателя.

— Кто меня зовет? — послышался из отдаленной шахты знакомый ржавый голос.

— Никак голос ржавчина с обручами подает? — удивился Задира.

— Какая ржавчина? С какими обручами? — спросил крот.

— С медными-премедными, зелеными-презелеными.

— Я не знаю никакого ржавого, медно-зеленого! Это кричит глупая Ехидна. Я ее так для себя прозвал, куги меня мышь. Из-за нее я и провалился глубоко под землю. Слышать не хочу вреда ходячего! Наблюдатель-прихлебатель! — И крот повернул совсем в другую сторону.

Глава IV. В ГОСТЯХ У КАОЛИНЫ

За десятым или двадцатым поворотом шахты возник огромный дворец из полупрозрачного матового фарфора. Окна и балконы во дворце были зашторены тончайшими стеклянными кружевами. Перед дворцом на широком дворе были расставлены на высоких подставках образцы посуды, изготовляемые в фарфоровом королевстве: изящные чайные сервизы, кофейные чашечки, наборы тарелок, салатницы, расписанные цветными узорами, золотом. Особенно поразили Женьку фарфоровые статуэтки придворных дам, принцев, фигурки породистых собак, лошадей, оленей и других животных. И среди этого фарфорового богатства, помахивая длинной кисточкой и делая вид, что это все ее рук дело, прохаживалась Неуступиха.

— Вот ты где! — обрадовался и удивился Задира Первый.

— Пришел за косички дергать? — вызывающе спросила Неуступиха. — На, дерни!

— Ну и дерну!

— Вот и не дернешь! Слабо? Мало попало, еще попадет!

— Дерну!

— Храбрости не хватит! — протянула Неуступиха.

— А вот и хватит! — и не думая о последствии, Задира Первый схватил Неуступиху за светлую косицу. В руке у него остался белый бант. — Вот тебе! А как же теперь быть? — растерялся Задира, глядя на бантик.

— Дозадирался! — в сердцах сказал Женька. —

— А еще мужчина! — От злости Женька не находил нужных слов. — Сам поедешь искать!

— Ну и поеду!

— А на чем?

— На лодочке-самоходочке. Соберем и поеду! — сердито выкрикивал очень расстроенный Задира Первый. Остальные молчали. А что было сказать? Жалко Неуступиху, но и она тоже хороша.

— Собрать-то, может, и соберем, только пассажиров стало больше.

— Сделаем еще одну — фарфоровую, — перед путниками возникла фигура сестры царей — прекрасная Каолина. Тонкое фарфоровое личико царевны было обрамлено стеклянными кудряшками. Голубые глаза словно незабудки. А вокруг глаз — ресницы длинные, острые, будто частокол из стекла. По нежным щекам разливался румянец. Каолина ласково улыбалась. Кружевное шелестящее платье, причудливо сплетенное из

стеклянного волокна, красиво облегало стройную фигуру. Полупрозрачные бледные руки Каолины двигались легко и изящно.

— Надо вам помочь найти Неуступиху! — продолжала Каолина. — Она неплохая девочка, работящая, только нервная, вспыльчивая. — Царевна хлопнула в ладоши, появились подмастерья — бойкие глиняные человечки в расписных фартуках и в плоских беретах с широкими козырьками. Подмастерья принесли мягкую белую глину, прозрачный, как стекло, мелкий песок, стали готовить смесь, все время что-то подсыпая и пришептывая. Колдовали они недолго. Ловкие руки раскатали белую кашу большими скалками, сделали лодочку. Стенки лодочки чем-то пересыпали.

В конце большого зала дворца стояла невиданной красоты удивительная печь. Наружные стенки этой печи были выложены цветной узорчатой керамикой, украшенной венками из фарфоровых цветов.

Открыв широкую задвижку, подмастерья поставили в печь сырую лодку.

— Присядьте, дорогие гости, чего вы стоите? — молвила царевна-умелица. — Лодка скоро прокалится, подроется глазурью, заблестит. Только, — вздохнула Каолина, — она не сможет вам долго служить. Братья запретили вывозить готовую продукцию за территорию царства.

— Почему? — удивился Женька.

— Потому, что братья не любят гостей. Бывают такие, что похищают тайны и секреты.

— Какие еще секреты? — возмутился Задира Первый. — Если знаешь, расскажи другому.

— Узнали же люди тайну производства фарфора? — продолжала Каолина. — Тайну изготовления лучших марок сталей?

— Ну и хорошо, что узнали, — возник Жуков. — А для чего тайнам быть тайными? Для людей все и делается!

— Все это так, — продолжала Каолина, — не подумайте плохо о моих братьях. Братья хорошие, трудолюбивые, лодырей терпеть не могут. Пуще всего они берегут земные богатства. Но вот горячи! — говоря так, Каолина к чему-то прислушивалась. — Лодка готова, прокалилась, остыла, — продолжала царевна, — братцы работу закончили. — С этими словами она нажала на красную розу, нарисованную на огромном блюде, которое было прикреплено к стене. Блюдо подалось назад, обнаружив проход.

Каолина протянула Женьке тонкий лист, исписанный формулами:

— Здесь рецепт приготовления костяного фарфора и хрусталя. Как пропуск, на всякий случай. Рецепты эти давно известны за пределами царства Теней. До свидания

Поблагодарив Каолину и взяв тонкую легкую лодку, путешественники отправились в путь. И довольно- таки быстро оказались у того места, где текла знакомая сестрица-Водяница — Мутная речка.

Глава V. СНОВА В ПУТЬ

Короткий толстый железный столб с медными обручами как ни в чем не бывало стоял, прислонившись к скале.

— В фарфоровую лодку смогут сесть только двое, и то маленьких, — сказал Женька. — Надо собирать старую.

— Попробуем, — вздохнула Клубчиха, — есть в запасе волшебная булавочка. Только она маленькая и силы в ней мало.

Женька вытащил из карманов раковины, стал складывать из них лодку. Задира Первый сунул руку под просмоленные доски, надеясь найти те, что спрятал. Раковин не было.

— Я, кажется, — прошептал Задира, — потерял...

Толстый столбик, противно хмыкнув, придвинулся поближе.

— Ваши визы на выезд! — вредно и ржаво проскрипел он позеленевшими обручами.

— Да иди ты в чистку! — вспылил Задира Первый.

— На выезд, на выезд! А кто, скажи, выезжает?!

— Это ты — Ехидна? — спросил крот Коловорот.

— Я. Только я не Ехидна. Я — Наблюдатель.

— Наблюдатель-прихлебатель-надзиратель. Я же говорил, что это голос Ехидны глупой, — указал крот лапой в сторону ржавого столбика.

— И чего по царству шатаешься? — опять вспылил Задира.

— Надо. Повторяю: я — Наблюдатель. У меня задание от Въеды.

— От Въеды, от Въеды! Второй раз о нем слышим. Кто он такой, твой Въеда?

— Он везде. Он во все дела вникает, въедается. На то он и Въеда.

— Тьфу ты! А не твоих ли рук дело — раковины? Небось пуговицы хотел делать?

— Может быть, — уклончиво проскрипел столбик.

— Эх, была бы моя воля! — Задира не находил слов.

— Задирчик, — мягко промолвила Лазка-Семизубка, — успокойся.

— Отстань, чего с него взять! — посоветовал крот. — Ехидна, да к тому еще и глупая. Наблюдатель-соискатель.

Под столбиком действительно валялись раздавленные на мелкие кусочки перламутровые раковины.

— Дела... — протянула Клубчиха, — такого варианта не предполагалось. Раковин не хватает! Спицы волшебной нет! Неуступиха неизвестно где! Что делать будем, друзья?

— Действовать! — решительно заявил Женя Жуков.

— Действовать! — поддержал его крот Коловорот. — Я могу разыскать дорогу в ваше светлое царство. Пусть я и слеп, потому что всю жизнь под землей живу. Но через толстую кожу, которая там, где у вас глаза, я свет от тьмы отличить могу. — С этими словами Коловорот, как буравчик, ушел в землю.

— А куда заковылял этот столбик? — спросил вдруг Задира Первый. — Небось к Въеде отправился?!

— Да ну его, — отмахнулся Женька, — ржавая толстая палка. На мелкие пакости только и способен. — И Женька снова принялся складывать раковины. Из земли вылез крот и молча сел в сторонке.

— Чего, Коловоротик, молчишь? Не нашел, значит, дороги?

— Поиск требует времени. Я боялся опоздать. Вдруг без меня уедете. Хоть я и земляной житель, но мне с вами хорошо. Да и вам без меня как?

— Не пропадем! — похлопал Задира крота по меховой спинке. — Ты нас только держись! Мы — дружные!

Из боковой пещеры дохнуло теплом. Еще мгновение и, широко расставляя тяжелые ноги, показался царь железа Феррум Третий. Поодаль от царя, поскрипывая медными обручами, семенил железный столбик.

— Вот они! — ржаво проскрипел столб.

— Опять проделки Ехидны, — заворчал крот, зарываясь в землю.

Царь Феррум Третий наклонился над испуганными друзьями. От царя пахло теплым железом и почему-то горячим ржаным хлебом.

— Эти крохи? — расхохотался царь так, что загремело в горах. В пещерах и коридорах поползла глина, посыпался со стен песок.

— Ну и Наблюдатель! Как ты говоришь? Служишь у Въеды? — молвил царь. — Совсем голова проржавела. Красного от черного не отличишь! Ну какие это вредители, вымогатели, расхитители? Это — дети. Пусть себе лазают по царству, мир познают. Я их уже видел. Все дети — везделазки, любознательный народец.

Железный царь двумя пальцами потрепал Задиру Первого за рыжий развевающийся хохолок, погладил по шерстке Лазку-Семизубку и Женьку по плечу, подмигнул. — А тебя, Наблюдатель, — обратился царь к толстому ржавому столбу с позеленевшими медными обручами, — на металлолом, на переплавку. Счастливого лазания, дети! — широко расставляя ноги, Феррум Третий скрылся под сводами шахты.

— А царь совсем и не злой, — махнула хвостом Лазка-

Семизубка.

— Даже, наоборот, справедливый, — пропыхтел Задира Первый, поглаживая рукой растрепанную прическу. — Что это с ним случилось?

— Остыл, — молвила Клубчиха, — да и моя волшебная спица его благородными металлами облагородила.

— Но какой ценой? — снова завздыхала Лазка. — Я во всем виновата. Огненных змей испугалась. Лучше бы я погибла, чем ваша чудесная спица.

— Ты не виновата, милая Лазка. Было очень даже страшно. Это же был раскаленный металл. Жаль, конечно, спицу. Но что поделаешь. Зато ты цела.

— Не печалься, Клубчиха, — сказал Женька. — У моей бабушки много разных спиц. Я попрошу для тебя какую захочешь. Но как сейчас нам быть?

— А я на что? — возник из земли крот Коловорот, поднимая вверх широкие натруженные лапы.

— Вот волшебная булавочка! — Клубчиха подала Лазке-Семизубке крошечную иголочку с круглой петелькой на конце.

— Дай мне! — заявил Задира Первый. — Я-то уж булавочку не уроню.

— Не возражаю, — поджала лапки Лазка-Семизубка. — Мне хватит и клубка, тем более что клубок стал намного меньше, чем был. Его надо крепко держать.

— Почему меньше? — удивился крот Коловорот. — Вы что, его разматываете, дорогу замечаете, как в сказке? Мне кротиха рассказывала.

— Я — Знаниядающая, поэтому и уменьшаюсь, отдавая себя, — вздохнула с облегчением Клубчиха Спицына. — Знали бы вы раньше об этом, наверно, не согласились идти со мной? А мне так хотелось рассказать о земле, показать ее богатства. А сейчас, Задирчик, возьми булавочку и коснись ею раковин.

— Спасибо тебе, Клубчиха, — засмущался Задира Первый. — Я не знал. Надо тебя поменьше спрашивать. — Задира поднес к раковинам булавочку. Раковины стали медленно, как бы нехотя, собираться вместе и расти. Только с одного бока у лодки получился большой рваный край.

— Ура! — закричал Женька. — Качать Клубчиху Булавочкину!

— Тихо, тихо, — остановила их Лазка-Семизубка. — Не размотайте клубка!

— Ну, я пошел, — заявил крот, собираясь ввинтиться в землю.

— А с нами не хочешь? — спросил Женька.

— Хочу. Но у вас теперь есть лодка. И я вам теперь не нужен.

— Нет, нужен! — Задира Первый ухватился за широкую кривую лапу. — Мне с тобой, кротик, интересно. Ты хороший друг. Поедем?

— **И** мы тебя любим, — мягко вымолвила Лазка-Семизубка.

— Вот как славненько! — засмеялся крот, перевернулся через голову, весело хрюкнув носом, похожим на крошечное свиное рыльце. Все живо уселись в перламутровую лодку, а крот в привязанную — фарфоровую.

— Тише едешь — дальше будешь! — выкрикнул Женька. — Если друг тебя поймет, лодка дальше поплывет!

— Поплывет! — подхватил Задира Первый.

— Поплывет! — подхватили все остальные: и крот

— Коловорот, и Лазка-Семизубка, и Клубчиха Спицына, теперь — Булавочкина.

Если друг тебя поймет, не стоим на месте,
Лодка дальше поплывет, лодка дальше поплывет,
Если все мы вместе!
Дружбой честной мы горды, делу нашему верны!
Потому что это
От несчастья нас спасет и, конечно, приведет
В царство Солнца, Света!

Речка сестрица-Водяница — Мутная, а затем — Светлая, подхватила песенку и понесла друзей в сторону третьего царства, куда путь лежал через провинцию царя Алюма Силициума.

Глава VI. СТЕКЛЯННОЕ КНЯЖЕСТВО АЛЮМА СИЛИЦИУМА

Задира Первый сидел на носу лодки, высоко держа в правой руке булавочку. В полумраке булавочка горела подобно крошечной свечке: не ярко, без искр. Чем дальше плыла лодка, тем делалось все интереснее. На стенах подземного, хотя и корявого, тоннеля холодным свечением мерцали камни. Они на мгновение вспыхивали, будто звезды, и гасли.

Неожиданно лодку качнуло и стало заносить в сторону. В лодке появилась вода.

— Тише едешь — дальше будешь! — выкрикивал Женька, по лодку продолжало нести в сторону.

— Раковины разваливаются! — закричал Задира и первым выпрыгнул на узкую кромку суши под нависшим пластом серой глины. За ним последовали остальные.

Жуков стоял по пояс в воде, подтягивал фарфоровую лодочку с кротом, который, не догадываясь о случившемся, сидел сложа на животе лапы. Ему никогда в жизни не приходилось быть без дела, тем более кататься на лодке. Последнее занятие ему очень понравилось. Он мечтал о том времени, когда вернется домой и в долгие зимние вечера будет рассказывать кротятам о своих необыкновенных приключениях.

— Вот не везет! — громко молвила Лазка-Семизубка.

— У булавочки нет той силы, как у спицы! — вздохнула Клубчиха. — Теперь вся надежда на Коловорота.

— Что? — не понял крот, услышав свое имя. — Я задумался, извините.

— Приехали! Вылезай, кротик Коловоротик, — хмыкнул Задира Первый.

— Уже? — удивился крот, оставляя лодку. — Неужто так близко? Тсс, здесь кто-то есть чужой.

Огромная креветка выскочила из воды и прыгнула в фарфоровую лодку. От такого резкого обращения она раскололась и пошла ко дну. Креветка исчезла в глубине речки Водяницы.

— Вот и все. «За территорию царства Теней готовую продукцию не вывозить». И не вывезли! — горько пошутил Задира Первый. — А какая была фарфоринка? Какая работа? И откуда взялась эта прыгающая штука? Ты, Спицына, помолчи. Наводи экономию на нить. Жень, не знаешь?

— Это — креветка. Креветки водятся в подземных реках.

Здесь и рыбы безглазые должны быть, — ответил Жуков. — Я как раз об этом читал в книжке по спелеологии, пещероведению то есть.

— Она что, тоже безглазая, слепая? — изумился Задира Первый, просушивая свою прическу. — И чего в лодку сунулась? Спросить бы. Да тю-тю! Нет.

— Ей глаза, как и мне, ни к чему! — хихикнул крот. Коловорот был еще в том же блаженном состоянии. — Вот вы таращитесь, таращитесь, а что видите?

— Я, кажется, вижу проход в скале, — вымолвила Лазка-Семизубка. — Не будь я скалолазка, если там не ступени!

Ступени оказались очень крутыми и вели в подземный тоннель. Дорога то резко брала вверх, то шла под уклон, маня боковыми коридорами. Но стоило только свернуть с центрального тоннеля, как кончик светящейся булавочки бледнел.

— Наша булавочка вроде компаса! — удивился Женька. — Задира, дай подержать!

— Нет уж! — вежливо, но твердо отказал Задира Первый. — Я главный ее носитель.

Крот Коловорот, шагая по тоннелю, то и дело останавливался, нюхал воздух, слушал. Иногда он отковыривал кусочек от стены, мял в лапе. Вот он опять прислушался, а Лазка-Семизубка отчего-то вдруг заволновалась.

— Плохи наши дела, — наконец пробубнил крот. — Что-то должно случиться в земле.

— Я тоже чувствую, хотя не знаю, как это объяснить, — прошептала Лазка. — Все во мне дрожит и трепещет. И мне так хочется бежать вон туда! — и она лапкой показала совсем в другую сторону, чем они шагали.

— И меня тянет туда! — удивился крот, касаясь Лазкиной лапки. — Бежим в ту сторону!

— Вот еще, время зря тратить, — заворчал Задира Первый, шагая туда, куда махнула лапкой Лазка-Семизубка.

Не успели путники отойти и несколько шагов от того места, где происходил разговор, как земля под ногами заколыхалась. Послышался далекий гул. Со стен посыпались сначала маленькие, потом крупные камни. Раздался треск, словно где-то лопались тысячи пластов.

Пробираясь по тоннелю, тут и там забитому камнями и песком, Задира Первый не переставая ворчал:

— Скоро ли будет Светлое царство?

— Стены посветлели, стало больше песка крупного и прозрачного, почти бесцветного.

— Это кварц, — сказала Клубчиха Знаниядающая. —

Владения Алюма Силициума, его главная провинция.

Многочисленные коридоры и коридорчики тянулись в сторону большой пещеры. Неожиданно проход оборвался возле спокойного озера, освещенного лампочками в виде крупных разноцветных кристаллов.

— Стеклянное княжество! — сказала Клубчиха Знаниядающая. — Вон и сам Алюм Силициум.

В глубине пещеры, что примыкала к озеру, было просторно. Прозрачные столбы горного хрусталя узкими ребристыми колоннами тянулись вверх, обрываясь резкими гранями. Удивительные наплывы на стенах и потолке переливались и играли всеми цветами радуги. Тонкие пластины оконного стекла были прислонены к стенам. Царь стоял у раскаленного докрасна куба, в котором плескалось жидкое горячее стекло.

— Хрустальный! Как есть хрустальный, царь-то! — всплеснула лапками Лазка-Семизубка, едва не уронив клубочек с необыкновенными нитями.

— Смотрите, — молвила Клубчиха.

Огромная огненная капля висела на трубке, в которую дул светлейший. Еще мгновение и капля превратилась в продолговатый сосуд. Сосуд был сначала красноватым, потом стал бледнеть — остывать.

Дзинь! — зазвенело пронзительно и тонко. Разбитое оконное стекло посыпалось под ноги Задире Первому. Царь оглянулся.

— Извините, прошу прощения, — сказал Задира, -— мы тут вот пришли... Вы работаете... Я не хотел его бить.

— Конечно, — ответил Алюм, — нарочно никто не бьет.

— А что вы дальше будете делать с этой штукой? — кивнул Задира на сосуд.

— Гранить.

— Что? — не понял Задира Первый. — Хранить?

— Сначала гранить, — продолжал царь, — потом хранить, а там уж как получится. — Алюм Силициум подошел к станочку с острыми колесиками. Жжиг! — пробежало колесико резво по стеклу, жжиг, жжиг! Не успели друзья и рта закрыть, как перед ними, сверкая и переливаясь искрами, стояла хрустальная ваза.

— А у нас есть рецепт приготовления хрусталя! — похвастался Задира Первый. — Каолина подарила.

— Вы знакомы с моей сестрой? — оживился царь. — Значит, вы и мои гости. А раз гости, я обязан вас научить варить стекло. И пока не научитесь, не отпущу. Назовите вещество, без которого не сваришь стекла?

«Опять вопрос из кроссворда», — подумал Женька.

— Пять букв, начинается с «к»? — спросил Жуков.

— Да, пять букв, начинается с «к», — удивился царь.

«Кварц», — услышал Женька бабушкин голос. Женька оглянулся. Перед ним стоял царь песка, глины и известняка — Алюм Силициум.

— Какое же это вещество? Я жду! — молвил царь.

— А почему вас так называют — Силициум? — неожиданно спросил Женька. — Промышленность силикатная тоже от вашего имени пошла?

— Силициум — это кремний. И промышленность от этого слова так называется. Кремний входит в состав песка и глины. И алюминий в глине есть. Так как же с вопросом? — не отступал царь. — Что нужно взять, чтобы сварить стекло?

— Песок, то есть кварц, — сказал Женька. — Из кварца-песка делают стеклянные кастрюли. Такие кастрюли можно ставить на огонь. Из кварцевого стекла можно делать специальные лампы для больниц — кварцевые, искусственное солнышко.

— Молодец! — похвалил царь. — Иди ко мне в помощники, не пожалеешь. Будем каждый день варить разные стекла. Остаешься?

— Я бы остался, — из вежливости ответил Женька, — да бабушка обижаться будет. Она хочет, чтобы я стал геологом, как дед. А вообще-то я больше о стекле ничего не знаю. Я только слышал, что из песка, глины, известняка делают черепицу, разную посуду, керамику, тарелки.

— А как сварить оконное стекло? — деловито спросил Задира Первый.

— Чтобы сварить оконное стекло, нужна еще сода.

— К сожалению, соду приходится выписывать из-за границы царства. В нашей земле ее нет. А для хрустального стекла нужно еще и тяжелое вещество — окисленный, проще, проржавелый свинец. Только он не рыжий, как железная ржавчина, а белый.

— А цветное умеете варить? — снова деловито спросил Задира.

— Цветное варить сложно и дорого, — улыбнулся Алюм Силициум. — Чтобы, например, сварить рубиновое стекло, надо в смесь добавить металл: «благородный, шесть букв, начинается с «з». Какой это металл?

— Золото, — выпалил Женька.

— А говоришь, что больше ничего не знаешь, — пожурил Женьку Алюм Силициум.

— Вот это да! — удивился Задира Первый, снова задевая и разбивая оконное стекло. — Ты, Женька, профессор. Извините за стекло. Да у вас его много.

— Вы нас простите, — сказала Лазка-Семизубка, — мы

спешим. Нам еще надо в царство Света.

— О! — воскликнул владыка стеклянного княжества. — Прекрасное царство! Они используют нашупродукцию. У нас с ними дружеские отношения. Не смею задерживать. Не хотите варить стекло, как хотите. Не неволю.

— А ты, крот, чего все время молчал? — спросил Задира Первый, когда друзья покинули владения Алюма Силициума.

— А что говорить? Ни черта не вижу. Того гляди, лапы о стекло обрежу. Мне это ни к чему! Без лап — пропадешь! А царь ничего про Ехидну не сказал.

— И чего тебе дался этот столбик? Давно не виделись? — засмеялся Женька. — Его Феррум Третий, видно, все-таки переплавил.

— Переплавил, — грустно ответил чей-то голос.

— Кто это? — спросил крот.

— Это я — Въеда, то есть бывший Въеда. Теперь я зовусь Главным Руководителем Экономии Материалов, сокращенно — ГРЭМ.

— Покажись! — сказал Задира Первый.

— Я не могу этого сделать. Я — всюду. Я — как воздух.

— С нами в царство Света пойдешь?

— Пошел бы. Там бы меня высветили. Я ведь неплохой работник.

— Ну тогда привет! — пропыхтел крот Коловорот. — Счастливо оставаться. Мы пошли, нам некогда, ГРЭМ-нем!

Глава VII. В ЦАРСТВЕ СВЕТА

Сверкающая дорожка, усыпанная кусочками слюды, манила к себе и звала. На стенах белого грота, причудливо изгибаясь, висели гирлянды пушистого нежного инея. Покатый пол стал выпрямляться, и перед изумленными путниками возникли украшенные наплывами льда полупрозрачные ворота. Ворота были облеплены снежными звездочками. Звездочки искрились от еле тлеющей булавочки. Но вот булавочка вспыхнула последний раз и погасла.

— Кончился запас волшебства, — вздохнула Клубчиха. — Нужно снова заряжать, а волшебные батареи остались у Шептун-озера. Видно, скоро конец нашему путешествию.

— Что за ворота? — спросил Задира Первый, прикалывая булавочку к отвороту куртки. — Уж не царство ли Света начинается? Светло стало!

— Царство Света, — прошептала Клубчиха. — Царство светлейшего величества царя Светослава Светославича. Наконец-то пришли.

Пройдя ворота, друзья обнаружили себя плавающими в белом молочном тумане. Сколько ни махала Лазка-Семизубка хвостом, туман не рассеивался.

— Держитесь друг за друга! — строго приказал Женька. — Не хватало еще кого потерять!

— Надо идти на восток. Там солнце встает. Значит, там и центр царства Света, — Лазка-Семизубка прижала к себе совсем крохотный клубочек с остатками волшебных нитей.

— Молчи, Клубчиха, умоляю тебя, — попросил Задира Первый. — Ты совсем исхудала, до солнца не дотянешь.

— Это не я сказала, а Лазка-Семизубка, — улыбнулась Клубчиха. — Спасибо за заботу, обо мне не печальтесь.

— Компас бы! — промолвил Женька. — А то ведь ни луны, ни солнца. В лесу по сучьям да пням можно определить, где юг, где север, запад и восток. А здесь? Сплошной туман!

— Я знаю, куда идти! — услышали все вдруг такой высокий звонкий голос, что в ушах зазвенело.

— Ты кто? — спросил Задира Первый.

— Я — зайчонок, солнечный.

— А где ты?

— Где солнце! Сейчас оно спит, но я все равно есть.

— Ты хороший или плохой? — спросил крот.

— Я не знаю. Одна девочка говорила, что я хороший.

— С тремя косичками? — обрадовался Задира.

— С тремя разноцветными, — прозвенело в ушах.

— Это наша Неуступиха! Шумела?

— Наоборот! Хорошая девочка, не рева. Сейчас туманы у больших гейзеров расстилает.

— А почему в царстве Света нет света? — снова возник Задира.

— А мы живем по сезонам и суткам. Видите этот большой маятник? — Но маятника никто не видел, потому что был туман.

— Это, — продолжал солнечный зайчик, — маятник земли. Он качается и отсчитывает время. Каждые три деления — три месяца, это и есть сезон: осень, зима, весна, лето. Он же отмеряет и день и ночь. Сейчас в царстве Света, — вздохнул зайчик, — началась ночь.

— Все как у нас! — воскликнул удивленный Женька.

— А мы и есть вы! — прозвенел тоненький голосок.

— Ничего не понимаю! — сказал Задира Первый. — Где же мы?

— На земле. В царстве Света, но у нас ночь.

— Теперь все понятно.

— Идите за мной, за мной! — звенел, не умолкая, звонкий высокий голосочек невидимого солнечного зайчика.

Хорошо укатанная дорога шла все вверх и вверх. Становилось все светлее и светлее. Туман стал рассеиваться, горы неожиданно раздвинулись, открыв узкую долину между каменистыми скалами. Из огромных в земле щелей тут и там выползали большие и маленькие дымки. Кругом грохотали горячие гейзеры.

— Это — каньоны, — пояснила Клубчиха Знаниядающая. — А гейзеры — источники с горячей водой.

— Откуда взялась горячая вода? — полюбопытствовал Задира.

— Долгий разговор, — вздохнула Клубчиха. — Поясню коротко. Внутри глубоко наша земля огненно-жидкая. Там — магма. Магма поднимается из земли, но не всегда выливается. Она и нагревает подземные воды. Существует целая наука — геология, наука о земле, — Клубчиха замолчала.

— А вот и пропажа! — крикнула Лазка-Семизубка.

Возле бурной горячей реки на круглом камушке сидела печальная Неуступиха.

— Мальчики, Лазка, Спицына! — обрадованно закричала Неуступиха. — Нашли меня? Ура!

— А, это ты? — хихикал довольный Задира Первый.

— Солнечный зайчик сказал мне, что вы в царстве Света. Я все туманы разослала, а вас все нет и нет!

— Ай да Неуступиха! — прыгал возле нее Задира. — Убери

свои косички, так и хочется подергать!

— Потом, Задирчик! А сейчас, пожалуйста, прошу, не надо!

— Разрешите представиться: крот Коловорот, — крот протянул Неуступихе свою короткую, но сильную лапу.

— Знакомься: кротик — широкий ротик! — веселился Задира Первый. — Наш обожаемый всеми друг.

— Во-первых, я — крот Коловорот, куси тебя мышь в бок. Во-вторых, ваш приятель недовоспитан.

— Водится за ним такое, — вздохнула Неуступиха, — что с него взять? За-ди-ра!

— Вот и славно! Вот и собрались! — звенело в вышине.

— Нашлись! Собрались! — закричал опять Задира Первый, два раза перевернувшись через голову, окончательно смяв свои рыжие кудряшки.

— Надо спешить! — звенело в ушах. — Смотрите, небо голубеет!

— Как хорошо, что мы живем на земле! — засмеялся Женька.

— И в земле, — добавил крот.

По узкой тропке, бегущей в гору, приятели вышли на зеленое поле. Вдали синело море. Белые барашковые волны бежали и бежали к берегу, никак не решаясь обогнать друг друга. Розовое небо наливалось краской. Из воды показался край румяного солнца. А вот и оно!

Вокруг друзей запрыгал сверкающий солнечный зайчик. Он перебегал от Задиры Первого к Неуступихе. От Неуступихи к Жене. От Женьки к кроту, гладил меховую шерстку Лазки-Семизубки, совсем крошечный клубочек. Солнечный зайчик со всеми знакомился.

— Солнце взошло! — крикнул Женька.

— Это и есть царь Светлого царства Светослав Светославич? — спросил Задира Первый.

— Он самый! — смеясь и прыгая, звенел солнечный зайчик. — Царь Света — СОЛНЦЕ!

— С добрым утром! — добродушно улыбнулся Светослав Светославич. Он был воистину величеством: огромный, румяный, в золотой, сверкающей бисером косоворотке.

— В гости пожаловали? — улыбнулся Светлейший.

— Пришли, — робко кивнул Задира Первый.

Царь захлопал в широкие горячие ладони. Отовсюду сбежались тысячи солнечных зайчиков. Они запрыгали по голубой воде, по барашковым волнам, закувыркались в сочной зеленой траве.

— Приглашайте в гости, — обратился царь Света к солнечным зайчикам. Светослав Светославич поднялся во весь

рост над морем. Могучими золотыми сверкающими руками раздвинул прозрачные шторы. И друзья увидели дворец. Огромный, голубой, занимавший полнеба. Но особенно красивыми были, под стать хозяину, ворота дворца.

Солнечные зайчики раскатали сверкающую дорожку. Миллиарды бусинок-росинок заискрились в ярком свете.

— Не стесняйтесь! Смелее, — подбодрил друзей знакомый звонкий голосок. Светослав Светославич распахнул пылающие створы солнечного дворца.

— Батюшка-царь! — выскочили из ворот два пухлых румяных пончика. — Стоило вам на минутку отлучиться, как пирог с яблоками перестал в духовке подниматься!

— У меня гости! — величественно молвил царь. — Скажите Зорине Лазоревне, чтобы приказала принести солнечных консервов.

— Угля или торфа? — наперебой затараторили румяные пончики.

— На ее усмотрение. Пойдемте, дорогие гости, я покажу вам мою солнечную обсерваторию.

— Ваше величество, — не выдержав, удивленно спросил Женька, — а почему топливо **бы** называете консервами?

— А как же? — в свою очередь удивился царь. — Много миллионов лет назад на земле тоже росли деревья, огромные, прекрасные. Были кусты и травы. Потом эти деревья превратились в каменный уголь. Кусты и травы в торф. А росли за счет тепла моего батюшки Светослава Светославича. Теперь эти древние растения отдают накопленное тепло при сгорании назад. Вот потому я и называю уголь и торф солнечными консервами.

На вершине горы, куда вслед за царем пришли путешественники, стояла большая солнечная бутыль с обыкновенной широкой воронкой. Как только царь наклонился над воронкой, солнечные лучи потекли по зеркальным стенкам внутрь сосуда. На бутыли было написано: «Солнечная энергия».

Прочитав по слогам название, Задира Первый спросил:

— А что вы будете делать с этой энергией?

Светослав Светославич указал пальцем-лучом на длинные прозрачные полки. На полках стояли странные сосуды с широкими пробками, похожими на крупные прозрачные кристаллы.

— Здесь солнечная энергия будет переделываться в энергию, которая потечет по металлическим проводам.

— В электрическую? В электричество? — выпалил Женька.

— В оно самое, — кивнул царь.

— В долине гейзеров, — заявила все время молчавшая

Неуступиха, — земная тепловая энергия тоже переделывается в проволочную. Эта проволока ух и страшная! — добавила Неуступиха. — Я видела, как она искрит. Как молния!

— С моей солнечной энергией тоже надо осторожно обращаться. Радиация большая. Вот смотрите! — Царь направил красный длинный луч на круглое выпуклое стекло. Под стекло положил кусок белой березовой коры. Кора вдруг стала темнеть, обугливаться, потом вспыхнула, загорелась. Царь затем взял фиолетовый луч и провел по бледному листу клена. Лист стал зеленеть и вянуть.

— СЭХ! — повелительно воскликнул царь Света. — Прошу, займи гостей, я на солнечные батареи пойду взгляну.

— Я здесь, ваше великое величество.

— Опять ты за свое! — вздохнул Светослав Светославич. — Великое... великое...

Из-за солнечной бутыли выскочил СЭХ, тонкий, как ивовый прутик.

— Везде все контачит, — сказал СЭХ, низко кланяясь, касаясь пола высохшей загорелой рукой.

— СЭХ? СЭХ! По голосу узнаю **Въеду-ГРЭМА,** приятеля Ехидны, — хмыкнул крот Коловорот. Пролез все-таки в Светлое царство!

— Просочился, — тихонько фыркнул СЭХ. — Ценят! Меня высветили. Сам удивляюсь своему просветлению. Но у меня нет приятелей. Я сам по себе. Я — СЭХ, Солнечной Энергии Хранитель.

— Все в порядке, Светлейший? — снова стал кланяться СЭХ, когда царь вернулся.

— А какие лучи еще у вас есть? — заверещала Неуступиха.

— Есть и другие, — с достоинством кивнул и заулыбался Светлый так, что стало невыносимо жарко.

— Мой световой луч состоит из семи цветов. Чтобы лучше запомнить, люди придумали такие слова: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан. По первым буквам можно запомнить цвета и порядок их построения, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Во время дождя, через дождинки, мои невидимый световой луч расщепляется, и вы видите радугу.

— Ну и печет! — снова пропыхтел крот Коловорот. — Что мне радуга, когда не вижу.

— Тепло, очень тепло, — обмахивалась хвостом Лазка-Семизубка.

— Жарища настоящая, — поддакнула Неуступиха.

— А что у вас еще интересного? — снова задал вопрос Задира

Первый.

— Что еще интересного? Много чего интересного. Сразу всего не покажешь и не расскажешь.

— Батюшка-царь! Пироги поспели! — затараторили **в** два голоса прибежавшие перезарумянившиеся пончики. — Пора из духовки вынимать?!

В печи тлели алыми язычками раскаленные угли.

— Тепло моего батюшки, — сказал Светослав Светославич, усаживаясь в широкое, круглое, обшитое голубым бархатом кресло. Солнечный царь распростер над землей длинные горячие руки.

— Как хорошо, — молвил Солнечный, — чувствовать, как уходит на землю твое тепло, как испаряется там вода, как все растет и радуется.

Горячие огненные лучи потоками стекали с массивной фигуры румяного царя и устремлялись к земле.

— Пойдемте, — тихо молвила Лазка-Семизубка.

— Не будем мешать царю Света работать, — добавила Клубчиха Знаниядающая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Вот и все. Пора прощаться, — сказала Клубчиха, когда друзья вышли из ворот солнечного дворца. — У меня на исходе последний кусочек нити. Но я счастлива, что, потеряв себя, обогатила вас, как могла, знаниями. Я вернусь еще к вам, но в другой сказке. — С этими словами Клубчиха Спицына исчезла.

— Простите, — мягко молвила Лазка-Семизубка друзьям. — В этих скалах мне будет очень удобно лазать. Всегда наступает время, когда надо расставаться. Я могу вернуться, если вам понадобится моя помощь. Спасибо за компанию! До свидания! — махнув на прощание меховым хвостом, Лазка исчезла в расщелине скалы.

— И я, пожалуй, пойду. Дом-то мой вот — земля. Жучки, червячки по мне соскучились. Да и кротиха, верно, нервничает: куда это я подевался? До встречи! Ведь я иногда выхожу на солнышко греться! Чуть чего, свистните. Услышу! — с этими словами крот мгновенно ввинтился в землю. Не случайно же его звали Коловоротом.

— А мы, — заявила Неуступиха, — сейчас с Задирчиком отправимся к себе на родину — к Шептун-озеру. Нас там дожидается Жабка-Лапка и мышки-летучки. Женя, пошли с нами, только...

— Спасибо! Я через горы, по земле потопаю, — степенно ответил Женя Жуков.

— Я рад домой вернуться! — свистнул Задира Первый. — В гостях хорошо, а дома лучше. Но как? Опять через царства? Воспитывать не будешь?

— Дурачок, — хихикнула Неуступиха. — Про косички забыл?

— Не забыл.

— Тогда дергай меня сразу за все три и не отпускай! Мы мгновенно окажемся дома. Но тебя я буду все равно воспитывать! Но-но! Погоди! - остановила Неуступиха быстрого на косички Задиру Первого. Надо с Женей проститься.

Задира, ухватившись сразу за все три Неуступихины косички, дернул их так, что Неуступиха не успела и рукой махнуть.

— Вот и умчались друзья. Нет Неуступихи, нет Задиры Первого. Будут еще Задиры Вторые, Третьи, но Первый исчез.

— Я к тебе в гости завтра приду! — сверкнул солнечный зайчик золотым лучиком и ускакал к морю. Навстречу к Женьке летела знакомая муха-Золотуха:

— Ж-жу~ков! Ж-же-ня! За-дер-ж-жи-ва-е-тесь! Бабушка ж-жу-ри-ть будет! Ж-жу-рить!

— Баб, я здесь! — крикнул Женька, обходя сбоку горы.

— Ну как? — спросила бабушка, как-то странно поглядывая на Женьку.

— Ничего, — засмеялся Женька. — И где я только, баб, не побывал!

— Вижу, вижу! Весь в красных пятнах.

— Это от жары! — пояснил Женька. — Жарко было, пекло.

— Полноте, какая там жара! — дотронулась до Женькиного лба бабушка. — Температуры у тебя нет. Просто ветрянка такая яркая. Раз высыпало на кожу, скоро поправишься.

Бабушка вышла из комнаты. Женька взглянул на картину, висевшую на стене. На ней были нарисованы высокие лесистые горы, отвесные скалы. Вдали виднелась синяя полоска моря. А над ним — огромное пылающее солнце. На переднем плане, среди камней — расщелина, поросшая мхом и кустарником.

— Спал я или придумал все? — удивился Женька.

— Ж-жу-ков! Леж-жа-ть! Леж-ж-жать! — зажужжало вдруг. Крошечная красивая мушка с золотистым оттенком летала по комнате и жужжала, жужжала.

— Вот ты какая, Золотуха! — улыбнулся Женька, отвернувшись от картины к стене. — Удивительная эта наука спелеология, то есть пещероведение!